

Троцкист в рваной пижаме

Многие люди в Самаре, кто как-то был связан с искусством, театром, культурой, знали этого человека.

Его встречали в «Кондитерском» на Ленинградской, пьющим кофе, или вальяжно прогуливающимся по Куйбышевской. Стоило видеть, как он одет. Всегдашний его костюм – это старая слежавшаяся пижама и засаленная майка, затертые черно-бурые брюки. И вот даже в этих почти отрепьях он смотрелся импозантно.

Был старик невероятно живым. Говорил отрывисто, иногда переходя на визг или на крик. Звали старика Арон Яковлевич Пломпер.

В этой же самой пижаме и майке мог он прийти в театр кукол, взглянуть на новую работу главрежа Романа Борисовича Ренца. Или в драматический театр, во владения Петра Львовича Монастырского. Ведь слыл Пломпер самым заядлым театралом нашего города. Он мог себе позволить громко критиковать спектакль, заглушая овации.

Рассказывают, что на одном из спектаклей, когда зал начал аплодировать, Пломпер громко заорал: «Какая это х...я!». Этот конкретный случай поведала мне Любовь Ивановна Елшина, тоже старая театралка, хорошо знакомая с Пломпером, ныне покойная.

Арон Яковлевич говорил о ней: «Люба – из дворян, а я – из троцкистов». К троцкистам Пломпер примкнул аж в 1923 году, являлся одним из лидеров Московского центра, а одно время даже находился на нелегальном положении. Как троцкист, Арон Яковлевич при Сталине неоднократно подвергался репрессиям. В Нарыме и Воркуте сблизился со многими осужденными артистами, режиссерами, деятелями культуры. Сам свою принадлежность к троцкистам особо не афишировал (ведь в 1935 его заставили официально отречься от троцкизма, хотя после отречения неоднократно ссылали), но и не скрывал. Всегда мог сказать: «А вы знаете, ведь я троцкист!» Пломперу очень нравилось следить за реакцией человека на эти слова. «Что, живого троцкиста испугались?» – громко вопрошал Арон Яковлевич и раздражался гомерическим смехом.

Лия Павловна Унгер (ныне тоже покойная) рассказывала, как однажды в больнице в полубредовом состоянии Пломпер в течение двух часов читал лекцию о Троцком. Врачи и сестры слушали, онемев от неожиданности. Когда же Арон Яковлевич очнулся, он наотрез отказывался от того, что выступал: «Вы что, разве же уже можно сейчас говорить о Троцком? Сейчас можно только о Брежневе!». Видимо, он действительно не мог в это поверить.

Эту историю я услышал в присутствии Саши Белоусова, еврейского поэта русского происхождения, который познакомил меня с Пломпером. Надо сказать,

что в доме Саши и его жены Розы, тоже поэта, собирались весьма замечательные люди. Там я познакомился с Леонидом Марковичем Слуцким, тогда редактором газеты «Куйбышевский железнодорожник», с поэтом Валентином Алексеевичем Столяровым. Думаю, что в этом ряду А. Я. Пломпер занимал не последнее место. Ведь Пломпер помимо театра любил еще и поэзию.

Однажды на Ленинградской он мне читал «С нами юный Троцкий, молодой Буденный!».

– Чье это?

– Как чье? Есенина! Боже ж мой, уже Есенина не узнал!

– У меня есть Есенин, так там такого нет!

– Нет и не будет. Ишь чего захотел! Вот уже хохмач! Кто ж тебе сейчас это напечатает?! Ты думаешь, правду пишут? Жди-таки!

Пломпер мне рассказывал, как Троцкий защищал Есенина от нападок Бухарина. И вообще он много говорил о Троцком. По всему видно было, что это его кумир. «Когда в Самару приехал Троцкий, его же встречали с цветами, качали и несли на руках. Троцкий принимал парад Самарского гарнизона. Да что уже говорить, Лев Давыдович был орел! Здесь в Самаре много троцкистов я знал, все они при Сталине... – Яков Аронович заплакал, – в мясорубку попали. Боже ты мой!» Это, видимо, была ошибка памяти. Пломпер в Самаре жил с 1940 г. и вряд ли знал самарских троцкистов до этого. Скорее всего, он познакомился с ними после освобождения, когда лагерники возвращались в Самару.

Кстати, я заметил, что Пломпер говорит «Самара», а не Куйбышев, и спросил, почему.

– Что ты думаешь, чтобы я этого пьянчужку уважал? Нет уже! Вот ему! – и Арон Яковлевич отмерил руку по локоть. – Все знают, как он от чехов бежал по крышам. А какой бабник был! Это же просто ужас! Только при Сталине такие присосались, когда настоящую гвардию всю уничтожили.

На мой вопрос о еврейском происхождении Арон Яковлевич ответил:

– Прежде всего, я троцкист!

Он же объяснил мне, за что друг Есенина и Цветаевой поэт Леонид Канегиссер убил Урицкого: «Да потому, что Канегиссер был-таки порядочным евреем, а Урицкий – здесь последовал ряд непонятных мне еврейских ругательств, – убил сотни таких Канегиссеров!».

Вообще Арон Яковлевич редко касался еврейского вопроса, ибо как атеист в синагогу не ходил, а по убеждениям слыл интернационалистом.

Арон Яковлевич был несколько чудаковат. Со своей скромной пенсии он посылал юбилейные телеграммы великим актерам: Тарасовой, Раневской, Жарову,

Бабочкину... Он же, когда Игоря Ильинского выдвинули на соискание Ленинской премии, послал Брежневу телеграмму протеста: «Нельзя давать Ильинскому премию, так как Ильинский с Царевым посадили Мейерхольда».

Однажды иду вечером по набережной и слышу знакомый голос с соседней аллеи: «И вот они с-с-собаки донесли-таки на Мейерхольда. Это сволочи, а не люди. Даже уже хуже, чем сволочи. Пришли к Станиславскому просить подписаться против Мейерхольда, а он их с лестницы спустил – и Ильинского, и Царева!».

Сквозь кусты я увидел светящуюся в сумраке огромную лысую голову. «Вот! Я ему рассказывал! – указал он на меня. – Я ему уже рассказывал про этих сволочей. Эх, пижама моя совсем порвалась! Что же уже делать?»

Мне стало смешно, оттого что старик перешел от высокой патетики к будничной проблеме одежды. «Что смеешься! Мне же надо уже в чем-то ходить». И тут же снова заговорил о театре.

Я знал, что Арон Яковлевич давно занимается историей Самарского театра и сильно в этой области осведомлен. Интересно было послушать его очередной эскурсе в историю, но старик перекинулся к современ-

ности и, бурно жестикулируя, стал кричать: «Вот Петя крутится, как белка в колесе. Но Боже ж мой! Разве же это Мейерхольд?! Разве же это Таиров?! Разве же это Михаил Чехов?! Эх-хе-хе!» – и тяжело вздохнул. Писал он о театре и в городские газеты. Но говорил все-таки лучше, чем писал.

Мы поднялись наверх и разошлись в разные стороны Куйбышевской. Я оглянулся и, как оказалось, в последний раз увидел этого человека.

По вечерней улице развевалась ветхая одежда, и сиял в лунном нимбе огромный лысый череп.

Троцкист в рваной пижаме уходил в ночь. В историю.

P.S. В третьем томе «Самарской энциклопедии» (1995 г. изд.) в заметке об А. Я. Пломпере (автор А. Ф. Козлов) указаны даты его жизни: 1902 – после 1958». Дата смерти выглядит весьма странной. Когда после 1958 г.? Ведь и я, и упомянутые в моих воспоминаниях Саша Белоусов, Л. П. Унтер, Л. И. Елишина и другие общались с А. Я. Пломпером вплоть до конца 70-х годов. По моим прикидкам, А. Я. Пломпер умер году в 1978 или 1979. №

1996, июнь

Наталья Михайлова

Галесника узнали на ощупь

«Ориентировка». Пропал редактор. Откликается на позывной «Марик». Очень худой, длинный и умный. Особые приметы: еврей. Нашедших просим оставить у себя за вознаграждение». «Уголок редактора», «Бесэдер?».

В конце ноября редактор нашелся. Он вынырнул в Самаре, впервые за шесть лет посетив родной город. Друзья и близкие особо благодарны «будневцу» А. Князеву, пригласившему редактора «Бесэдер?» М. Галесника поучаствовать в передаче «Студия-2».

Вскоре Галесник отбыл в родные Палестины. Безгранично доверяя своим талантливым сотрудникам, он все же не может оставлять надолго свой офис на улице Яффо, 75 в Иерусалиме.

Конечно, первый вопрос, который мы все непременно задавали М. Галеснику, какое впечатление произвела Самара? Ведь что ни говори, уезжал-то он из Куйбышева.

– Впечатления яркие, мало что изменилось. Судите сами. Поселили меня в малоизвестной гостинице «Экватор» (вот вы знаете, где это?). Хорошая гостиница, но... без воды. Вообще никакой, двое суток. Не то чтобы там души принять, а хотя бы зубы почистить. Родственники в термосе воду приносили. Пришел в художественный музей, где была назначена встреча с еврейской общественностью, так свет отключили. Опознавали друга на ощупь и по голосам.

Лирическое отступление. Марк Галесник родился в 1956 году в Куйбышеве, здесь же учился в школе № 5. Именно в этой школе я его и отыскала, зайдя туда в поисках литературных талантов. Первый же материал,

который попал мне в руки, убедил, что мальчика нужно затащить в пресс-центр при Кировском Дворце пионеров, где уже «паслись» такие дарования, как В. Самарцев, В. Сизоненко, В. Серазев, А. Самарцев, И. Коган, М. и Е. Лихтман и многие другие. Так начинался будущий редактор. Фельетон этот был опубликован в газетах «Волжский комсомолец» и «Пионерская правда», прозвучал в «Пионерской зорьке», напечатан в газете «Юность». Я отыскала пожелтевшую газету.

«1 сентября я пришел в школу и сел за свою парту, чистую, умытую, сверкающую белизной. Оказывается, очень приятно сидеть за чистой партией, только недолго длилась моя радость. На следующий день увидел перед собой надпись: «Не пиши на парте!». Я, конечно, не остался в долгу и ответил: «Я не пишу. Это ты пишешь». И что бы вы думали? Он ответил, что пишет не он, а я. И еще